

самобытные черты этих жанров восходят к особенностям фольклора, в то время как профессионализм обусловлен межрегиональными канонами. Мугамы тесно связаны с фольклорными истоками. Принимая участие в формировании мугама, народное творчество тем самым служило основанием, крепким фундаментом этой монументальной, художественно-отточенной формы азербайджанской музыки», - пишет Р.Мамедова [3, с. 128-129]. И далее ученый конкретизирует: «Внутри мугамной системы вырисовываются две магистральные линии: фольклорный исток и канонический образец, воплощенный в развитой форме. Здесь и заключается квинтэссенция мугамного «художественного открытия»...» [3, с. 130-131].

Для музыкальных традиций народов Востока в силу геополитического и геокультурного расположения региона издревне была характерна высокая и устойчивая степень взаимовлияний. Данный факт и предопределил их временную и пространственную историко-культурную типологичность. Наша аргументация находит выражение в существовании эстетически совершенной системы музыкального мышления мусульманского Востока, в присущих этой системе особенностей типологического характера.

Выводы и перспектива. Таким образом, к числу универсальных принципов классического музыкального искусства восточного региона относится его устная природа, бесплывленность традиции музыкального творчества. Здесь свою особую роль сыграли закономерности импровизационного метода формообразования, наличие перированного строя, микроинтервалика в ладовых структурах. Специфика музыкального мышления на Востоке не ставила перед музыкантами – творцами и исполнителями, перед учеными-теоретиками задачи выработки системы записи музыкального текста.

Источники и литература:

1. Конрад И. Запад и Восток / И. Конрад. – М. : Наука, 1972. – 496 с.
2. Аязбеков С. А. Музыкальная цивилизация народов Ближнего и Среднего Востока / С. А. Аязбеков // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии : История и современность : материалы междунар. симпозиума. – Душанбе : АН Таджикистанской ССР, 1990. – С. 92-101.
3. Мамедова Р. А. Азербайджанский мугам / Р. А. Мамедова. – Баку : Элм, 2002. – 280 с.

Рзаева Салтанат Шахин кызы

УДК 7.01

СИМВОЛ КОНЯ В ИСКУССТВЕ ДОИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА АЗЕРБАЙДЖАНА

Постановка проблемы. Среди различных зооморфных изображений, встречающихся в искусстве Азербайджана, имеется символ коня. Данная статья преследует **цель** раскрытия значения этого символа посредством привлечения историко-этнографического материала, объяснения его роли в культуре и идеологии людей, живших на территории Азербайджана в доисламский период. Какое значение имел конь в жизни древних жителей Азербайджана Элиан, Полибий, Страбон писали, что в древности на территории Азербайджана разводили коней [5, 96]. В этих условиях коневодство могло играть ведущую роль в хозяйстве, оно давало мясо и молоко, использовался в качестве транспортного средства [20, 50-51]. В источниках упоминается, что Албания располагала многочисленной конницей [31, 166]. На войне конь становится верным другом своего хозяина и участником его боевых подвигов [20, 79]. В героических эпосах конь являлся «...символом доблести и славы, почёта и уважения...» [17, 205]. Эфенди считает, что «Конь связывался с понятием богатства, мужественности, отваги, преданности» [35, 65-68]. У народов, занимающихся разведением коней, чья жизнь немыслима без коней, боги также представлялись всадниками [20, 88]. Возможно, это, и объясняет наличие коней у богов среди тюркских и индоевропейских народов. Солярные божества – Митра, близнецы Ашвины, Ушас имели лошадей» [3, 31, 134]. В Азербайджане существовал обряд «Гюнеше девет» «Приглашение солнцу», где участники обряда призывали Солнце сесть на своего коня и взойти [6, 201]. То есть, солярное божество в Азербайджане также представляется на коне. В азербайджанском фольклоре сохранился образ – Албасты, являющейся антропоморфизмом солнца в образе женщины, любящей кататься на коне [6, 111, 117]. У Абана – божества воды, божества ветра и Хызыра, упоминаемых во время церемоний праздника Новруз байрам, также имеются кони белого цвета [19, 11, 39; 6, 22]. Бог может не только иметь коня, но и прямо соотносится с его образом. В образах белых коней выступают зороастрийские божества Тиштрия и Веретрагна [3, 31, 34, 134]. По Ригведе, «первоначальной зооморфической формой утреннего солнца был конь...» [18, 117-118]. Интересно, что в Азербайджане [6, 102-103], Грузии [7, 11] Дагестане [8, 83] – солнце представлялось в женском образе. В этом случае конь является животным и символом этой солярной богини, представляющей также и Богиню-мать. Божественная Дзерасса осетинского эпоса, одна из ипостасей Богини Матери-земли также властна над конями темной масти – «шок-цуал» [34; 16, 163]. В Британском музее с паспортом Армения хранится фигурка двуглавой лошади, на спине которой сидит женщина [21, табл. XVI, 1, 136]. Будучи воплощением богини Матери-земли, конь, несомненно, связан и с водной стихией. О связях коня с водой, океаном и даже о его происхождении из воды говорится и в эпосе «Короглу» [6, 20-21]. У народов Нагорного Дагестана череп коня использовали также в обряде «вызова» дождя при засухе [8, 100]. Известно, что Хызыр - был связан также с дождём и водой [6, 20-21]. М. Сеидов установил, что Хызыр перенял функции древнего женского божества плодородия, брака, зелени – Оленк [26, 110]. «Апаоша в виде белого коня, после победы над Тиштрией погружается в пучину и много дней пьёт воду; напившись, взмывает на небо и по всей Земле

разливает обильные дожди» [22, 12]. Мы считаем, что символ коня, являясь воплощением Богини-матери, отражает её связи с солнцем и водой.

В погребениях эпохи поздней бронзы и раннего железа в ряде районов Азербайджана найдены захоронения коней [5, 97; 4, 41, 94], а также в северо-западном Иране, Грузии, на Алтае [15, 113; 28; 24, 70]. В XV-XVI в. на могилах в Азербайджане устанавливаются каменные фигуры лошадей [23, 70]. Роль коня как перевозчика в иной мир отразилась в азербайджанской сказке «Царевна-лягушка», где белый конь отвозит героя на тот свет и привозит обратно [1, 106].

На основе всего вышеизложенного можно сказать, что в Азербайджане доисламского периода конь играл большую роль в жизни населения в разных областях, являясь воплощением и животным богини-Матери, а затем и других богов, следовательно, был носителем и символом плодородия, удачи, использовался в борьбе со злыми силами, участвовал в погребальном культе как перевозчик умершего. Все эти идеи в большей или меньшей степени нашли отражение в Азербайджанском искусстве. Больше всего его изображения встречаются на петроглифах Апшеронского полуострова (Гобустан – 60 км. от Баку), на пластинах из слоновой кости обнаруженных в Хасанлу, реже на бронзовых поясах, а также в виде камерных скульптур из глины и металла. Среди различных рисунков мы выделили несколько композиционных сцен с участием символа коня, а также его отдельные изображения. Согласно исследованиям И.М. Джафарзаде, отдельные изображения коней обнаружены на петроглифах Гобустана, начиная с IV-I тыс. до н.э. [12]. По Фараджевой, кони изображаются, начиная с VII тыс. до н.э. [30, 261]. Изображение лошади имеется на металлическом круглом диске из Хасанлу, где она показана в прыжке [37, таб.V 116]. Рассмотрим подробнее композиционные сцены с участием символа коня. 1. **Изображение нескольких лошадей.** А. *Табун лошадей.* Табун диких лошадей нарисован на горе Бёюкдаш верх. те, камне 45 (IV-III тыс. до н.э.) (12). Б. *Симметричное изображение двух лошадей.* Такие изображения имеются на фрагменте бронзового пояса из Мингечавира (кон. II - нач. I тыс. до н.э.) [32, таб.VII, 1]; на вертикальной железной панели из Хасанлу 9 в. до н.э. [42, таб.IV 14].

2. **Сцена охоты.** А. *Лошадь с сидящим на ней охотником.* На следующих рисунках охотник преследует оленя или козла. [12] III-II тыс. до н.э. – х. Язылы, к.134, 2; се II тыс. до н.э. – х. Язылы, к.100, 1 и дНа Ардебильской тарелке (I тыс. до н.э.) изображён всадник с собакой [45, 39]. Б. *Лошади, впряжённые в колесницу, изображены на обломках пластин из слоновой кости из Хасанлу (41, 170) и Зивие [36, 34; 37, 142] во время охоты на льва.* В. *Табун лошадей, преследуемых охотниками с луком.* Сцена охоты пеших лучников на табун лошадей относится к се III тыс. до н.э. – Бёюкдаш, верх. те, к.46, юж. ст., 5, 6, 7, 16, 18, 20, 21, 24 [12].

3. **Батальные сцены** имеют несколько разновидностей: А. *Лошадь с сидящим на ней всадником.* Подобные изображения имеются на обломках пластин из слоновой кости и дерева из Хасанлу [41, 20-22, 33, 36, 34, 38, 39, 41, 42, 43, 47]; на поясе из западного Азербайджана [11]. Б. *Лошади, впряжённые в колесницу.* Среди пластин из Хасанлу встречаются изображения лошадей, впряженных в колесницу [41, 8-19, 1, 4, 5, 6, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26]. На серебряном кубке из Хасанлу [42, 53] и на пластине из Зивие (9 в. до н.э.) изображена сцена битвы [37, 142]. 4. **Культово-религиозные композиционные сюжеты:** А. *Лошадь, стоящая рядом с ромбообразным орнаментом* изображена на сосуде из Гянджинского кургана 10-9 в. до н.э. (10, таб.XXIV, 9). Б. *Изображение стоящего человека с поднятыми вверх руками, рядом с лошадью или верхом на ней.* На холме Язылы имеются изображения всадника с поднятыми вверх руками (12, х. Язылы, к.40, 1, 2; к.41, 1, 2). Человек в позе адоранта имеется на миске (12-11 в. до н.э.), из Ханлара (10, таб.XIV, 3). В. *Композиция, посвящённая древнему мифу.* На золотой чаше из Хасанлу (9 в. до н.э.), две лошади, впряжены в одноместную колесницу [43, 63, 64].

Наиболее многочисленной является группа с единичным изображением лошади. Следующими по распространённости можно считать охотничьи и батальные композиционные сюжеты с лошадью. Среди Гобустанских рисунков сцена охоты более всего изображалась во II тыс. до н.э. Культово-религиозные сцены составляют меньшинство. Интересна встречающаяся сцена с лошадью, стоящей рядом с человеком, находящимся в позе адоранта или сидящим на ней с поднятыми вверх руками. Мы не исключаем, что всадники в молитвенной позе могли изображать жрецов, молящихся об удачной охоте, а может, и богов. На самых ранних петроглифах Гобустана (IV-III тыс. до н.э.) изображены мощные, тяжелые животные, исполненные в реалистичной манере. Начиная с нашей эры и позже в период средневековья рисунки лошадей выполнены грубо в схематичной манере. В древнем Азербайджане конь изображался в мелкой пластике, а также в форме зооморфных сосудов. Наиболее ранние камерные фигурки лошадей, относящиеся к эпохе ранней бронзы найдены в Куль-тепе (4, табл.XI 6, 10). К Албанскому периоду относятся фигурки из Моллаисаклы (там же, т. XIV, 1) и Исмаилов [4, 2]. 7-6 в. до н.э. датируется фигурка из Сары-тепе [4, таб.X 8] Бронзовая голова лошади, деталь колесницы найдена в Зивие [38, 168]. К I тыс. до н.э. относится глиняная фигура лошади из Казвина [45, 44]. Наибольшее количество зооморфной керамики, изображающей коня, а также бронзовые ритоны обнаружены из южного Азербайджана. 1. **Зооморфные сосуды.** Фигура лошади, стоящая на четырех ногах с вырастающим на середине спины горлом сосуда.

А. *Слив сосуда может быть в виде фаллоса* [Зивие - 36, 33; Ардебиль - 44, 23; Гёй-тепе - 36, 11]. Это наблюдается на трёх сосудах из пяти.

Б. *На горле сосуда имеется одна ручка* [Гёй-тепе, 36, 11].

В. *Горло сосуда оформлено в виде всадника* [Зивие, 36, 33].

Г. *Горло сосуда может быть расположено не в центре, а позади тела лошади* [Ардебиль, 44, 23].

Д. *Нижняя часть тела лошади оформлена в виде двух шаров, ноги не указаны* [Гёй-тепе, 36, 11].

На сосуде из Маку всё конское снаряжение нарисовано (8 в. до н.э.) [37, 150], а на Ардебильском сделано рельефно [45, 41]. По времени два сосуда относятся к I тыс. до н.э., три к 8-7 в. до н.э. В Иране также найдены зооморфные сосуды этого типа датируемые 9-8 в. до н.э. [Амлаш, 36, 14] и 2-6 в. (40, 86). 2. **Протома лошади на сосудах.** На двух сообщающихся сосудах головы лошадей расположены на верхней части ручки сосудов [Ардебиль, 45, 43]. Сосуд из Мингечавира имеет ручки в виде скобок представляющих фигуру лошади (4 в. до н.э.) [9, 6]. На другом Мингечабирском сосуде наверху каждой ручки стоит фигурка лошади (там же, 6). 3. **Ритон.** В Зивие найден бронзовый ритон в форме головы лошади [43, 32]. Зооморфные сосуды в форме лошади характерны для I тыс. до н.э. и в следующие периоды практически не встречаются, так же как и другие зооморфные сосуды. В Зивие обнаружены два керамических украшения для коробки, изображающие фигуру лошади в профиль [39, 115].

Исследование выявило, что символ коня в доисламском Азербайджане чаще использовался в композиционных сюжетах на тему охоты и войны, что объясняется широким распространением коневодства. Гораздо реже этот символ участвовал в культово-религиозных сюжетах, но вместе с тем, были распространены керамические сосуды в форме коня. Эти сосуды могли использоваться в ритуалах для вызывания дождя. В ритуале вызывания дождя на Кавказе почти у всех народов использовалась кукла в женском платье [2, 476-477; 29, 207]. В зороастризме дождь приносит бог Тиштрия в облике белого коня. Мы считаем, что стихия воды в большей степени относится к богине-Матери, то есть этот образ более архаичен. Зороастрийская религия, скорее всего, переработала известный нам образ богини-Матери. Например, имя Ардвисуры Анахиты буквально переводится как «Влага могучая чистая» [22, 12]; богиня Паренди неизменно сопровождает Бога-Дождей Тиштрию [22, 107]. Да и белый цвет коня тоже напоминает о белом платье Албасты, о куске белой ткани как символа богини Умай [27, 112], белой волчицы – образе прародительницы хакасского народа Хууиней [18, 47]. Поэтому мы считаем, что даже если сосуды в образе коня использовались в зороастрийских ритуалах, их генезис восходит к культуре богини-Матери. Кроме этого, конь и его символы использовались в погребальном обряде, где он должен был отвезти хозяина в иной мир и служить ему там так же, как и при жизни. Конь играл большую роль в жизни жителей доисламского Азербайджана не только как символ божества или его воплощение. Конь, как мы уже говорили, активно участвовал во многих областях жизни, что, в конечном счёте, привело к его культуре.

Источники и литература:

1. Азербайджанские сказки. – Баку, 1947.
2. Азербайджанская этнография : Т. 3. – Баку, 2007. – на азерб. яз.
3. Акишев А. К. Искусство и мифология Саков / А. К. Акишев. – Алма-Ата : 1984.
4. Алекперов А. И. Терракота древнего Азербайджана / А. И. Алекперов. – Баку, 1994.
5. Алиев К. Античная Кавказская Албания / К. Алиев. – Баку, 1992.
6. Абдулла Б. Азербайджанский обрядовый фольклор / Б. Абдулла. – Баку, 1990.
7. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племён / В. В. Бардавелидзе. – Тбилиси, 1957.
8. Гаджиев Г. А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана / Г. А. Гаджиев. – М. : Наука, 1991.
9. Голубкина Т. И. О зооморфной керамике из Мингечаура / Т. И. Голубкина // МКА. – Баку, 1951. – Т. II.
10. Гусейнова М. А. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа XIV-IX вв. до н.э. / М. А. Гусейнова. – Баку, 1989.
11. Джафарова Н. Бронзовые пояса – как средство защиты воинов / Н. Джафарова // Ирс». – 2007. – № 4-5 (28-29).
12. Джафарзаде И. М. Гобустан – наскальные изображения / И. М. Джафарзаде. – Баку, 1999.
13. Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы на верхней Оби / Ю. Ф. Кирюшин // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987.
14. Котович В. М. Некоторые данные о связях Дагестана и Передней Азии в древности / В. М. Котович // Средняя Азия. Кавказ и Зарубежный Восток в древности. – М., 1983.
15. Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба / Е. Е. Кузьмина. – М., 1977.
16. Кузьмина Е. Е. Дионис у Усуней / Е. Е. Кузьмина // Центральная Азия. – М., 1987.
17. Кулиев Г. Г. Архетипичные Азери : Лики Менталитета / Г. Г. Кулиев. – Баку, 2002.
18. Львова Э. Л. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск, 1989.
19. Набиев А. М. Последние вторники года / А. М. Набиев. – Баку, 1992. – на азерб. яз.
20. Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племён Центральной Азии в эпоху средневековья / С. П. Нестеров. – Новосибирск, 1990.
21. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с передней Азией в скифское время / М. Н. Погребова. – М., 1984.
22. Рак И. В. Мифы древнего и средневекового Ирана / И. В. Рак. – СПб.; М., 1998.
23. Рзаев Н. И. Заря Азербайджанского искусства / Н. И. Рзаев. – Баку, 1993.
24. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С. И. Руденко. – Л., 1960.
25. Сеидов М. Праздник весны / М. Сеидов. – Баку, 1990. – на азерб. яз.
26. Сеидов М. Истоки Азербайджанского мифологического мышления / М. Сеидов. – Баку, 1983. – на азерб. яз.

27. Сеидов М. Гам-шаман и общий взгляд на его истоки / М. Сеидов. – Баку, 1994. – на азерб. яз.
28. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. / Б. В. Техов. – М., 1977.
29. Токарев С. А. Религии в истории народов мира / С. А. Токарев. – М., 1965.
30. Фараджева М. Наскальное искусство Азербайджана / М. Фараджева. – Баку, 2009.
31. Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании / Дж. А. Халилов. – Баку, 1985.
32. Халилов Дж. А. Бронзовые пояса найденные в Азербайджане / Дж. А. Халилов // МКА. – 1962. – Т. IV, В. – на азерб. яз.
33. Цагараев В. Кавказская Атлантида : [Электронный ресурс] / В. Цагараев. – Режим доступа : <http://www.anaharsis.ru/semiot>.
34. Цагараев В. Осетинский орнамент : [Электронный ресурс] / В. Цагараев. – Режим доступа : <http://www.anaharsis.ru/semiot.htm>
35. Эфенди. О средневековой скульптуре Азербайджана / Эфенди // Искусство. – 1985. – № 4.
36. Belloni Gian Guido. Iranian Art / Belloni Gian Guido. – N. Y. : Praeger, 1969.
37. Berghe L. Arxeologie de L. / L. Berghe. – Iran : Ancient, 1959.
38. Ghirshman R. The Arts of Ancient Iran From Its Origins to The Time Of Alexander The Great / R. Ghirshman. – N. Y., 1964.
39. Fukai Shinji. Ancient Persia / Fukai Shinji. – N. Y.; Tokyo; Kyoto, 1981.
40. Kawami T. S. Ancient Iranian Ceramics / T. S. Kawami. – N. Y., 1992.
41. Muscarella O. Wh. The Catalogue of Ivories from Hasanlu / O. Wh. Muscarella. – Iran : The University Museum, 1980.
42. Pigott V. C. The Emergence of Iron use at Hasanlu / V. C. Pigott // Expedition. – 1989. – Vol. 31. – Nos. 2-3.
43. Porada Edit. The art of ancient / Porada Edit. – Iran; N. Y., 1965.
44. The Art of Amlash From the Collection of Galerie Israel.
45. Tresors de L Ancient Iran Musee Rath : Catalogue. – Jeneve, 1966.